DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ПАРАМЕТРЫ И ВОЗМОЖНЫЕ КОНТУРЫ

М.М. Лебедева

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Москва, email: world_politics@mgimo.ru

Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры. – Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24-35. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03

Статья поступила в редакцию: 10.02.2020. Принята к публикации: 23.04.2020

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию мирового порядка. Показано, что большинство исследователей, а также практиков исходят из того, что для преодоления процессов хаотизации современного мира необходимо формирование нового мирового порядка. При этом мировой порядок обычно понимается как конфигурация баланса сил наиболее могущественных государств. В статье приводятся аргументы в пользу того, что такое понимание мирового порядка не отвечает современным реалиям. Утверждается, что в настоящее время происходит в целом трансформация политической организации мира (Вестфальской системы, современной системы межгосударственных отношений и политических систем целого ряда государств), что и составляет суть изменения мирового порядка. Другим допущением ряда исследований является отождествление Вестфальской системы и современной системы межгосударственных (международных) отношений. В статье показывается важность различения этих двух систем, первой, как набора определенных принципов, и второй – как конфигурации межгосударственных отношений. Обсуждается вопрос о либеральном мировом порядке. Отмечается, что в целом ряде исследований либеральный мировой порядок ассоциируется с США и в целом с западными странами. Утверждается, что такое отождествление неправомерно, и показывается, что выстроенный Западом современный либеральный мировой порядок, в части, составляющей целостную совокупность ряда принципов и институтов, в настоящее время в целом принимается международным сообществом. Определены основные черты нового мирового порядка и отмечается, что в настоящее время, тем не менее, наметилась тенденция формирования полицентричного мира. Однако его центрами становятся не только ведущие, но и другие государства, а также негосударственные акторы. В то же время возникает целый ряд проблем, связанный с взаимодействием и принятием решений большого числа разнородных акторов. Автор, тем не менее, предполагает, что такое взаимодействие будет выстраивается на многосторонней и многоуровневой основе с разветвленной сетевой коммуникацией. Обсуждаются сценарии формирования нового мирового порядка.

Ключевые слова: мировой порядок, мировая политика, Вестфальская система, система международных (межгосударственных) отношений, политическая организация мира, трансформация политической организации мира, либеральный мировой порядок.

УСИЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ХАОТИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Исторически понятие “мировой порядок” в международных исследованиях обычно связывается с работой Х. Булла, опубликованной в конце 1970-х годов [Bull 1977]. В то же время интенсивно мировой порядок стал обсуждаться в конце XX – начале XXI вв. Исследовательский вопрос в данном случае заключается

в следующем: что представляет собой современный мировой порядок и почему этот концепт стал привлекать столь пристальное внимание именно сейчас?

Что касается первой части вопроса, то большое количество публикаций по проблеме современного мирового порядка в конце XX в. обусловлено, как представляется, сломом биполярной системы и попытками осмыслить складывающуюся новую систему межгосударственных отношений. По прошествии почти 30 лет дискуссии о том, что же собой представляет новый мировой порядок, не затихают. Более того, и на уровне элит, и на уровне академического сообщества явно ощущается нарастание хаотизации современного мира. Это выражается и в несоблюдении и выходе из международных договоров государств (прежде всего США), и в развитии конфликтов, в частности, в таком сложном регионе мира как Ближний Восток, и в росте миграционных потоков, оказавших сильнейшее воздействие на Европу, и в резком расширении ЕС в начале XXI в., а затем – в его "сужении" из-за выхода Великобритании. Наконец, – в ухудшении отношений между Россией и Западом. Внес свою лепту в процесс хаотизации и COVID-19, побудивший многих исследователей и лидеров заявить о трансформации современного мира. Кризисные явления, представляющие собой процесс хаотизации, затрагивают не только политику, но и глобальную экономику, которая "столкнулась с выраженным снижением уровня кооперативности в регулировании международной торговли" [Афонцев 2019: 48], а также социальные процессы, в частности, связанные с миграцией, с социальными протестами (см., например, движение "желтых жилетов" во Франции" и др.). Лидеры крупнейших государств, в частности А. Меркель и Э. Макрон, высказывают серьезную озабоченность в связи с нарастанием процессов хаотизации в мире и необходимостью реформирования мирового порядка.

Очевидно, что тектонические процессы, происходящие в мире, требуют не только объяснения различных фактов и явлений по отдельности, но и выработки общего понимания того, что же все-таки происходит с политической организацией современного мира. Причем это понимание имеет самый непосредственный прикладной аспект, а именно, как можно упорядочить процессы хаотизации и ввести их в некое регулируемое русло? Самым общим ответом здесь будет – формирование нового мирового порядка. Многие с этим согласны. Однако здесь мы сталкиваемся со вторым вопросом – что представляет собой современный мировой порядок? И ответ на этот второй вопрос – неоднозначен. В настоящее время в рамках различных теоретических направлений предлагаются свои варианты понимания мирового порядка (см., например, [Пантин, Лапкин 2018]). Более того, предлагаемые подходы к пониманию мирового порядка нередко оказываются взаимоисключающими.

Для понимания того, что собой представляет мировой порядок, необходимо проанализировать тенденции и характер международно-политического развития современного мира.

ВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА И СИСТЕМА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Большинство исследователей, особенно российских, склонны считать, что современный мировой порядок еще не сложился, и видят его как переформатирование межгосударственных отношений после окончания холодной войны. Хотя здесь есть, конечно, нюансы у разных авторов, связанные, в том числе, с появлением на международной арене новых сильных государств, обязательным признанием новых отношений другими участниками и т.п. Отчасти это объясняется тем, что именно вопрос о переформатировании

межгосударственных отношений был поставлен после распада биполярной системы, а ответ на него дан не был. Например, В.Г. Барановский считает, что "в современной международно-политической системе происходит перераспределение веса различных центров влияния... Немало стран, которые... традиционно считались обладающими весомым потенциалом, сталкиваются с его потенциальным сокращением... И наряду с этим заметными становятся некоторые новые игроки из числа успешных государств Азии, Африки и Латинской Америки" [Барановский 2019: 14].

Близкой позиции придерживается А.И. Никитин, который пишет, что "в простейшем выражении "миропорядок" есть относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных) правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил" [Никитин 2018: 32-33].

При изучении международных отношений часто цитируют Х. Булла, отмечая, что для него важным моментом в международных отношениях является формирование "содружества государств". Однако этот момент при анализе именно мирового порядка нередко упускается из виду. Вместе с тем, в предисловии к книге Х. Булла, Ст. Хоффманн пишет, что для Булла мировой порядок это не только войны, доминирование, сила государств, но и сотрудничество. Х. Булл идет дальше таких реалистов как К. Уолц и Р. Арон и показывает, что отношения между сильным и слабым государством зависят от "сообщества государств". Но он недостаточно явно проводит анализ между силой (*power*) и правилами (*rules*) [Hoffmann 1977]. Отметим два важных момента: во-первых, межгосударственные отношения порождают соответствующую среду, которая становится новым и самостоятельным элементом в международных отношениях; во-вторых, мировой порядок не сводится только к силовым отношениям. Однако в большинстве исследований мирового порядка анализ осуществляется с точки зрения силовых отношений государств, а в аналитическом фокусе в первую очередь оказываются ведущие державы. Что касается правил, то обычно при рассмотрении мирового порядка приводится все больше примеров того, как правила перестают соблюдаться и даже нарушаются. Причины, по которым они не соблюдаются, обнаруживаются в поведении ведущих государств, прежде всего США. В результате исследовательское внимание часто оказывается замкнутым именно на этих державах. Вместе с тем, анализ взаимоотношений этих держав является важным (даже очень важным) звеном в мировой политике, но недостаточным для понимания перемен, происходящих в современном мировом порядке.

Если говорить о международной среде, то она за почти 50 лет со дня публикации книги Х. Булла изменилась кардинальным образом. Что касается государств, то А.-М. Слотер обратила внимание на еще один феномен, появившийся на стыке тысячелетий, который был назван ею "трансгосударственностью". Суть его заключается в том, что государства при помощи комплекса различных межгосударственных связей образуют "межправительственные сети" ("*government networks*") [Slaughter 2004].

В результате происходящих изменений международно-политический мир усложнился, стал взаимозависимым и пересекающимся, а также действительно полицентричным. Однако не только с точки зрения того, что многие государства (в том числе средние и малые) сегодня обретают статус центров

влияния, но с точки зрения того, что и негосударственные акторы также становятся значимой частью международно-политической среды.

О негосударственных акторах написано множество работ. В то же время они практически выпали из анализа при изучении мирового порядка. Произошло это опять-таки по причине того, что мировой порядок оказался в большинстве случаев сведен к межгосударственным отношениям. При этом во многих исследованиях мирового порядка произошло фактически *отождествление двух систем*: с одной стороны, Вестфальской системы *как системы принципов*, которые были заложены по итогам Тридцатилетней войны, где центральным стал принцип суверенитета; а с другой – *системы межгосударственных отношений* как некоей *конфигурации государств* на международной арене и *правил взаимодействия,* определенных *международными договорами*.

Принципы Вестфальской системы, хотя и нарушались, частично трансформировались и т.д., но продолжали в целом функционировать на протяжении почти 400 лет. В то же время господствующие системы межгосударственных (межгосударственных) отношений менялись принципиально: Европейский концерт был многополярным, Ялтинско-Потсдамская система – биполярной и т.д., не говоря уже о различных государствах, которые образовывали эти системы. Иными словами, на относительно неизменном базисе Вестфальской системы (ее принципах) выстраивались и сменяли друг друга системы межгосударственных отношений, получившие во многих работах названия систем международных отношений.

В исследованиях же часто и Вестфальская система, и системы международных (межгосударственных) отношений определяются как порядок. При этом системы международных (межгосударственных) отношений понимаются как трансформация Вестфальской системы и/или адаптация к ней. Так, согласно Г. Киссинджеру, в истории были предложены различные разновидности мирового порядка: европейская (Вестфальская система или модель), китайская (иерархическая модель с китайским центром), исламская (модель, основанная на религии). “Вестфальская система распространилась по всему миру в качестве ‘каркаса’ межгосударственного и международного порядка, охватывающего различные цивилизации и регионы...” [Киссинждер 2015: 5]. Очевидно, что здесь речь идет о принципах, которые и образовали каркас. Далее Киссинджер, рассматривая исторические процессы, неоднократно использует слово “порядок”, говоря о различных системах международных отношений и даже об отдельных государствах. Например, он замечает, что “порядок, предложенный Европе Венским конгрессом, пожалуй, был ближе всего к установлению единого правления после распада империи Карла Великого” [там же: 38]. Однако этот порядок охватывал только Европу. После окончания Первой мировой войны, а затем и Второй мировой войны формируются международные порядки с ведущим принципом Вестфальской системы (как пишет Киссинджер) баланса сил, который определяется различными конфигурациями отношений ключевых государств. А. Цыганков продолжает эту мысль Г. Киссинджера, указывая, что “любой мировой порядок предполагает наличие баланса сил среди основных участников международной системы и признание ими определенных правил поведения” [Цыганков 2019: 20].

Таким образом, Вестфальская система и система межгосударственных отношений нередко отождествляются исследователями. Причина этого, отчасти, в том, что после Тридцатилетней войны были определены, с одной стороны, принципы международного взаимодействия (что получило название “Вестфальская система”), с другой – образована некая система взаимодействия

государств того периода, которая также получила наименование Вестфальская система. И, если вторая система имела лишь историческое значение, то заложенные принципы, по крайней мере, в определенной степени, действуют и сейчас. Так, принцип суверенитета остается, хотя он неоднократно нарушался, принципом современного международного взаимодействия. Например, А. Харрелл, что примечательно, отмечает: многие авторы обращали внимание на необходимость различать *порядок как факт* (в данном случае как система. – *М.Л.*) и *порядок как ценность* (в данном случае как принципы. – *М.Л.*) [Hurrell 2007].

Признание того, что Вестфальская система (*система принципов*) и *конфигурация* межгосударственных систем (*систем международных отношений*) являются не тождественными, означает более точное понимание того, что подлежит перестройке. По крайней мере, эта перестройка или переход не может ограничиваться только изменением структуры межгосударственных связей и отношений.

КОНЕЦ ЛИБЕРАЛЬНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА?

Наряду с проблемами, обусловленными потребностью трансформации Вестфальской системы и спецификой межгосударственных отношений XXI в., интенсивно обсуждается вопрос о конце либерального мирового порядка (см., например [Казаринова 2018]). Правда, существуют представления о том, что либерального мирового порядка вообще не было [Ferguson 2003]. Впрочем, подобные идеи о том, что либерального порядка никогда не существовало, не являются широко распространенными. Либеральный мировой порядок, очевидно, появился не сразу по заключении Вестфальского мира. Он формировался постепенно на протяжении веков путем создания международных организаций и появления новых принципов взаимодействия государств, не сводящихся к изначальным Вестфальским принципам. Согласно Дж. Наю, либеральный мировой порядок, с которым мы имеем дело сегодня, сформировался после 1945 г. [Най 2017].

Один из наиболее дискутируемых сегодня вопросов заключается в том, исчезает ли либеральный порядок, и какова в этом процессе роль США и других западных стран? Как считал И. Валлерстайн, конец либерального мирового порядка означает закат капиталистической мир-системы, а также конец доминирования Запада в мире [Wallerstein 2000].

Ряд исследователей, в том числе и ведущих американских, видят причину упадка либерального мирового порядка в ошибках, допускаемых США во внешней политике. Наиболее резко выступает Дж. Миршаймер, обвиняющий США в “либеральной гегемонии”, направленной на распространение идеи либеральной демократии. По его мнению, именно реализм и национализм, а не попытки распространения либеральной демократии по всему миру, делают государство великой державой [Mearsheimer 2018].

Несколько иную точку зрения формулирует Дж. Айкенберри. Он также изначально связывает либеральный мировой порядок с США и пишет, что нет сомнения в сдвиге центра влияния (*power*) с Запада на Восток и на Юг. Старый порядок с доминированием Соединенных Штатов и Европы уступает место порядку, в котором это влияние в глобальном мире все больше разделяется с восходящими незападными государствами. В связи с этим, отмечает Айкенберри, высказываются опасения, что новый мировой порядок, формирующийся незападными государствами, будет менее либеральным. Выдвигая возражения против таких опасений, Айкенберри указывает на

то, что новые государства не собираются менять либеральные принципы на международной арене, а лишь стремятся к получению большего влияния на мировые политические процессы. Этот вывод он обосновывает тем, что, во-первых, либеральные структуры в мире, в том числе ООН, ВТО и др., уже выстроены, и в них включены незападные государства; а во-вторых, незападным государствам для усиления своего влияния в мире важна возможность использования этих структур. При этом решающая роль (роль "ведущих за собой") в формирующемся мировом порядке будет по-прежнему принадлежать США и европейским странам [Ikenberry 2018].

Похожая логика рассуждения у Дж. Ная. Он исходит из понимания либерального мирового порядка как, прежде всего, лидерства США в мире, однако подчеркивает, что сегодня даже такой могущественной державе как США в одиночку не справится с мировыми проблемами. Поэтому изоляционизм США, который нередко рассматривается как конец либерального порядка, является лишь временным явлением [Най 2017].

Итак, в рассуждениях о либеральном мировом порядке переплетаются несколько вопросов. Во-первых, он связывается с западными странами, во-вторых, – с выстроенными в мире структурами и режимами по западным, либеральным меркам, в-третьих, – с некими либеральными принципами. И если ряд авторов видит связь между принципами политической системы того или иного государства и попытками строить мировой порядок на основе этих же принципов, то другие исследователи данную связь отрицают.

Прежде всего, необходимо отметить, что не следует отождествлять либеральный мировой порядок с западными странами и выстроенной современной структурой международных отношений [Кортунов 2016]. Хотя здесь следует сделать оговорку, что современная политическая организация мира, заложенная Вестфальской системой и распространившаяся затем до глобального уровня, была изначально действительно западной. И если говорить о принципах, на которых основываются структуры и нормы либерального порядка, то, согласно А. Кортунову таких принципов, на которых он выстраивается, три: рациональность (как некая обобщенная сумма различных интересов), нормативность (единые для всех участников стандарты и нормы), открытость (а не изоляционизм) [там же]. Правда, проблема здесь заключается в том, что признание принципов не означает следования им. И в последнее время это отчетливо наблюдается на мировой арене. Кроме того, есть вопросы и к такому принципу, как открытость. Причем закрываются, в определенной степени, все, в том числе и западные страны. Так, США вышли из целого ряда международных договоров. Почему это происходит – отдельный вопрос. Сейчас важно подчеркнуть, что принципы остаются принципами даже в том, случае, если кто-то перестает их соблюдать.

Кроме принципов либеральный мировой порядок предполагает и наличие многочисленных международных институтов, которые стали особенно интенсивно развиваться после окончания Второй мировой войны.

Итак, новый (современный) мировой порядок не может быть понят только исходя из рассмотрения различных существующих или возможных конфигураций балансов сил государств (однополярной, многополярной или какой-либо иной). Но также не сводится он и к доминированию Запада (или утрате им этого доминирования), которое нередко ошибочно отождествляется с либеральным мировым порядком.

Перестройка политической организации мира и новый мировой порядок

Мир к XXI столетию подошел с эрозией принципов Вестфальской системы, обусловленной активностью негосударственных акторов и в целом процессами транснационализации (глобализации)[1], частью которых наряду с активностью негосударственных акторов на международной арене стали описанные А.-М. Слотер "межправительственные сети" [Slaughter 2004].

Транснационализация, во многом обусловившая эти процессы эрозии, по всей видимости, будет только набирать силу благодаря дальнейшему развитию новых технологий. Это приведет к еще большему размыванию Вестфальской системы, которая просуществовала столь долго благодаря тому, что она объединяла очень разные с точки зрения политических систем, государства. Относительная "непрозрачность" национальных границ защищала, с одной стороны, суверенитет каждого государства, с другой – Вестфальскую систему в целом. В условиях транснационализации под вопросом оказались ведущие принципы Вестфальской системы: принцип суверенитета и принцип баланса сил.

Ряд государств пытаются сохранить принцип суверенитета для своей страны, ориентируясь на изоляционизм, что довольно четко проявляется, например, во внешней политике США, которые сознательно пытаются ограничить свою открытость внешнему миру. Распространение COVID-19 в 2020 г. с особой очевидностью проявило тенденцию к изоляционизму. Однако представляется, что такая политика может носить лишь временный характер, поскольку транснационализация с ее новыми технологиями является объективным процессом, противостоять которому невозможно.

Как и любое развитие, транснационализация является нелинейным процессом, поэтому она будет чередоваться с периодами изоляционизма тех или иных государств. Тем не менее общемировой вектор на транснационализацию (глобализацию) сохранится [Лебедева 2019]. Одновременно она перестает быть исключительно западным процессом, поскольку распространяются восточные в широком смысле модели, что с особой очевидность проявляется, например, в ресторанном бизнесе, когда популярность по всему миру получают рестораны восточной кухни.

Сохранение принципа баланса сил в основе мирового порядка – это еще одна попытка сдержать процессы эрозии Вестфальской системы. По этому пути советует идти Г. Киссинджер. Он исходит из того, что Вестфальская система с ее принципом баланса сил хорошо зарекомендовала себя исторически. Поэтому единственно возможный вариант формирования нового мирового порядка – это использование европейского опыта великими державами и создание порядка по типу Европейского концерта. При этом препятствием реализации такой модели Киссинджер видит политику США, ориентированную на реализацию прав человека по всему миру и гуманитарную интервенцию [Киссинджер 2015]. В этом плане позиции Г. Киссинджера и Дж. Миршаймера как представителей реализма совпадают. Правда, здесь возникает несколько вопросов. Первый – связан с ролью и ограничениями силового фактора в современном мире. На этот счет имеется огромный пласт научной литературы, показывающей пределы использования силового фактора в современном мире с его взаимозависимостью и наличием ядерного оружия. Второй вопрос заключается в том, возможно ли

[1] Термин "транснационализация" используется в данном случае во избежание множественного толкования понятия "глобализация".

вообще выстроить какую-либо систему относительно долговременных межгосударственных отношений в условиях, когда базовые принципы Вестфальской системы, размываются? По-видимому, это сделать сложно. Неслучайно в течение длительного времени, прошедшего со дня окончания холодной войны, устойчивая конфигурация межгосударственных отношений так и не сложилась.

Наконец, сегодня наблюдается не только трансформации Вестфальской системы и системы межгосударственных отношений, но и значительные "повороты" в политических системах многих государств на рубеже XX-XXI столетий: Восточная Европа, государства постсоветского пространства, государства Ближнего Востока, Латинской Америки. Причем изменения в этих государствах не обязательно происходили либо в сторону развития демократии, либо – в сторону авторитаризма, как предполагал С. Хантингтон [Huntington 1991]. Трансформация в некоторых государствах Ближнего Востока пошла, например, по пути хаотизации, а также ориентации на родоплеменные отношения [Лебедева и др. 2016].

Таким образом, трансформация в современном мире охватывает, как минимум, три уровня политической организации мира: 1) Вестфальскую систему; 2) систему межгосударственных отношений; 3) политические системы отдельных стран. В результате трансформация каждого уровня усиливает изменения, происходящие на двух других, формируя феномен "идеального шторма". Происходит в целом *трансформация политической организации мира* [Лебедева 2016]*, что и составляет суть изменения мирового порядка*. При этом особенно значимым звеном оказывается Вестфальская система как основа современной политической организации мира.

Ф. Фукуяма заметил, что индустриальная эпоха – эпоха паровоза, железных дорог, заводов – сделала возможным веберовское централизованное государство [Fukuyama 1999]. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что четвертая промышленная революция [Шваб 2016], которую переживает мир сегодня, также приведет к кардинальной перестройке политической организации мира.

ВОЗМОЖНЫЕ КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Каким будет новый мировой порядок (новая политическая организация мира), сказать сегодня сложно. В настоящее время можно наметить лишь самые общие его черты. Хотя, по всей видимости, можно утверждать, что сложный политический мир не подлежит унификации и жесткой централизации.

Большинство авторов, анализирующих формирующийся миропорядок, исходят из идеи многополярности мира. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что мировой порядок будет базироваться лишь на многополярной конфигурации ведущих мировых держав. Во-первых, сегодня довольно активными и влиятельными (особенно при образовании коалиций) оказываются малые и средние государства. Во-вторых, в качестве центров со все большей очевидностью начинают выступать негосударственные акторы, в том числе, ведущие НПО и ТНК. Ранее негосударственные акторы оставались лишь участниками международного взаимодействия, особо не влияя на мировые политические процессы, поэтому можно было ограничиться только анализом ведущих государств. "Теперь, – пишет Р. Хаас, – власть находится во многих руках и во многих местах" [Haas 2008]. Но в любом случае сегодня точнее говорить, наверное, *не о полюсах, а о центрах*. Кроме того, центры в отличие

от полюсов в меньшей степени предполагают конфронтацию. В целом же тенденция к формированию полицентричности мира явно намечается.

При анализе и выстраивании нового мирового порядка, по всей видимости, следует иметь в виду эволюционную составляющую политической организации мира. На это в отличие от сторонников баланса сил обращает внимание, в частности Р. Кокс, выступая с идеей гегемонии. В настоящее время, по мнению Р. Кокса, в мире гегемоном (т.е. доминирующим актором) выступает Запад, прежде всего США. Однако в дальнейшем многое будет зависеть от сопротивления других акторов, включая международные и ведущие неправительственные организации [Cox with Sinclair 1996].

Кроме идеи эволюции важным моментом для определения контуров будущего миропорядка в работе Р. Кокса, как, впрочем, и у Р. Хааса, является вовлечение в вопросы, связанные с мировым порядком, не только государств, но и других акторов. Хотя здесь не все однозначно. Дж. Най указывает, что "мировому порядку угрожает перетекание силы от правительств к негосударственным акторам" [Най 2017]. Поэтому проблемой оказывается взаимодействие государственных и негосударственных акторов, которое должно быть эффективно выстроено.

Увеличение, причем значительное, не только количества акторов на мировой арене, но их разнородности, ставит остро вопрос о принципах, на которых будут основываться их взаимодействие, а также их коммуникации и механизмы принятия решений. Проблема выбора принципов является сложной, поскольку принципы довольно тесно связаны с ценностями, и поэтому могут интерпретироваться по-разному. Неслучайно заслугу создателей Вестфальской системы Ж-М. Геэнно видит как раз в более или менее удачной попытке исключить ценности из международных отношений, поскольку по ценностям невозможно достичь договоренностей [Guehenno 1999].

Принципы суверенитета и баланса сил, несмотря на нарушения и "переформатирование", в целом сыграли и продолжают играть положительную роль. Хотя принцип баланса сил является наиболее проблематичным. Вместе с тем в связи с трансформацией политической организации мира, а новый миропорядок затрагивает все три ее уровня (Вестфальскую систему, систему межгосударственных отношений, политические системы государств), стоит задача выработки новых принципов. По всей видимости, принципы, выработанные в рамках либерального мирового порядка, такие как рациональность и соблюдение норм, вполне могут быть использованы. Важно иметь в виду, что нормы вырабатываются в процессе взаимодействия через переговорные механизмы. В свою очередь, развитие и распространение в мире различных международных организаций способствует усвоению норм [Finnemore 1993].

Сложнейшими вопросами остаются коммуникация и принятие решений в условиях множественности и разнородности акторов. В мире все большее распространение получает сетевая коммуникация, что как тенденция отмечалось еще в начале 1990-х годов (см., например, [Governance without Government... 1992]). Очевидно, что сетевое взаимодействие будет развиваться и в дальнейшем, причем интерактивность будет важнейшим условием его развития. При этом форматы такого взаимодействия и принятия решений могут быть совершенно различными. Среди многосторонних форматов (с участием представителей разных стран) – это международные организации, клубные форматы, региональные и трансрегиональные объединения (см., например, [Лебедева, Кузнецов 2019])

и т.п. Не исключаются, разумеется, двухстороннее сетевое взаимодействие сразу по целому ряду вопросов. Наряду с многосторонними форматами взаимодействия и принятия решений перспективными будут многоуровневые форматы, где наряду с представителями государств участвуют НПО, бизнес структуры и другие негосударственные акторы. Многоуровневые форматы стали распространяться при обсуждении и решении вопросов, связанных с изменением климата, экологии, регулированием интернета (см., например, [Зиновьева 2018]).

Трансформация мирового порядка влечет за собой изменение международной повестки дня. Интенсификация коммуникаций в современном мире становится одним из важнейших факторов того, что социальные и гуманитарные вопросы все сильнее проникают в международную повестку дня. Они образуют не только сферу собственно социальных и гуманитарных вопросов, но и включаются в военно-политическую (например, информационные войны) и экономическую (например, борьба с бедностью, устранение резкой социальной поляризации) проблематику. Одновременно на первый план в международной повестке дня будут выходить вопросы повышения качества жизни, образования, здравоохранения, культуры, спорта, экологии, туризма.

Наконец, последний вопрос заключается в том, как может быть выстроен новый мировой порядок. Рассматриваются разные сценарии (см., например, [Лебедева 2016; Пантин, Лапкин 2018]). В принципе возможно два типа сценариев: 1) эволюционный, предполагающий постепенное выстраивание мирового порядка с учетом его новых параметров; и 2) революционный, предполагающий резкое и во многом катастрофическое изменение миропорядка с ломкой существующих в настоящее время структур. Очевидно, что первый сценарий предпочтительнее, однако в настоящее время сложно сказать, какой именно сценарий будет реализован. Не исключено, что окажется вариант, сочетающий в себе черты обоих сценариев, несмотря на их, казалось бы, очевидную несовместимость.

DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03

NEW WORLD ORDER: PARAMETERS AND POSSIBLE CONTOURS

M.M. Lebedeva[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

LEBEDEVA, Marina Mikhaylovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University, email: world_politics@mgimo.ru

Lebedeva M.M. New World Order: Parameters and Possible Contours. – Polis. Political Studies. 2020. No. 4. P. 24-35. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03

Received: 10.02.2020. Accepted: 23.04.2020

Abstract. The article discusses approaches to understanding the world order. Most researchers, as well as practitioners, proceed from the fact that, in order to overcome the growing chaos of the modern world, it is necessary to form a new world order. The world order is usually understood as a configuration of the balance of power between the most powerful states. The article argues that understanding the world order through this prism does not meet modern realities. It is shown, instead, that the accepted organization of global politics (the Westphalian system, the system of interstate relations, the political systems of a number of states) is currently undergoing a general transformation, which is the essence of changing the world order. Another assumption a number of studies make is the non-distinction between the Westphalian system and the system of interstate (international) relations. The article demonstrates the importance of distinguishing between these two systems. On the one hand, the Westphalian system promotes a set of certain principles; on the other, international relations can be viewed as a configuration of the balance of interstate relations. The issue of a liberal world order is also

being discussed. It is highlighted that a number of studies associate the liberal world order with the United States and, in general, with Western countries, but it is argued that such a statement is not entirely correct. The article shows that, although the West is significantly building up a modern liberal world order through many methods, the totality of a number of principles and institutions that make up this order is, nevertheless, generally accepted by the international community. The main features of the new world order are determined. It is noted that, at the present moment, there is a tendency to establish a polycentric world; however, such a world is led not just by its centers of power, but also by other states, as well as non-state actors. At the same time, a number of problems arise due to the interaction and decision-making of a large number of heterogeneous actors. Nevertheless, it is assumed that the new world order will be built on a multilateral and multilevel basis with extensive network communication. Scenarios for the formation of a new world order are discussed.

Keywords: world order, world politics, Westphalian system, system of international (interstate) relations, political organization of the world, transformation of the political organization of the world, liberal world order.

References

Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York, Chichester, WS: Palgrave. 329 p.

Cox R.W., with Sinclair T.J. 1996. *Approaches to World Order*. Cambridge: Cambridge University Press. 574 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511607905

Ferguson N. 2003. *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. New York: Basic Books. 400 p.

Finnemore M. 1993. International Organizations as Teachers of Norms: the United Nations Educational, Scientific, and Cutural Organization and Science Policy. – *International Organization*. Vol. 47. No. 4. P. 565-597. https://doi.org/10.1017/S0020818300028101

Fukuyama F. 1999. Second Thoughts: the Last Man in a Bottle. – *The National Interest*. Summer. P. 16-33.

Governance without Government: Order and Change in World Politics. 1992. Ed. by J.N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge: Cambridge University Press. 324 p.

Guehenno J.-M. 1999. The Post-Cold War World: Globalization and the International System. – *Journal of Democracy*. Vol. 10. No. 1. P. 22-35.

Kortunov A. 2016. The Inevitable, Weird World. – *Russia in Global Affairs*. Vol. 14. No. 4. P. 8-19.

Haas R.N. 2008. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. – *Foreign Affairs*. May/June. URL: http://acme.highpoint.edu/~msetzler/IR/IRreadingsbank/EmpireOverNonpolarHauss.FA08.x.pdf (accessed 27.04.2020).

Hoffmann St. 1977. Foreword: Revisiting 'The Anarchical Society'. – Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan Press Ltd. P. vii-xii. https://doi.org/10.1007/978-1-349-24028-9

Huntington S.P. 1991. Democracy's Third Wave. – *The Journal of Democracy*. Vol. 2. No. 2. P. 12-34.

Hurrell A. 2007. *On Global Order. Power, Values, and the Constitution of International Society*. Oxford: Oxford University Press. 364 p.

Ikenberry G.J. 2018. The End of Liberal International Order? – *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 7-23. https://doi.org/10.1093/ia/iix241

Mearsheimer J.J. 2018. *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, London: Yale University Press. 328 p.

Slaughter A.-M. 2004. *A New World Order*. Princeton: Princeton University Press. 368 p.

Wallerstein I. 2000. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World System. – *International Sociology*. Vol. 15. No. 2. P. 251-267.

Afontsev S. 2019. Sanctions and International Institutions: How to Reduce Sanction Risks for Russia? – *International Organisations Research Journal*. Vol. 14. No. 3. P. 46-68. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-03

Baranovsky V.G. 2019. New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? – *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 5. P. 7-23. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Kazarinova D. 2018. The Crisis of Liberalism in the Assessments of Its Adherents. – *Russia in Global Affairs*. Vol. 16. No. 6. P. 226-233. (In Russ.) URL: https://globalaffairs.ru/book/Krizis-liberalizma-v-otcenkakh-ego-adeptov-19862 (accessed 27.04.2020).

Kissinger H. 2015. World Order. (Russ. ed.: Kissinger H. *Mirovoi poryadok*. Moscow: AST. 544 p.)

Lebedeva M.M. 2016. System of Political Organization of the World: 'Perfect Storm'. – *MGIMO Review of International Relations*. No. 2. P. 125-133 (In Russ.) URL: https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518 (accessed 27.04.2020).

Lebedeva M.M. 2019. Modern Megatrends of World Politics. – *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 9. P. 29-37. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. 2019. Transregional Integration as a New Phenomenon of World Politics: Nature and Prospects. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 71-84. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06

Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinovieva E.S., Koposova E.N. 2016. State Archaization: the Role of Information Technologies. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 22-36. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03

Nikitin A.I. 2018. Modern World Order, Its Crisis and Prospects. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 32-46. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/pps/2018.06.03

Nye J.S. Jr. 2017. Will the Liberal World Order Survive? – *Russia in Global Affairs*. Vol. 15. No. 2. P. 72-82. (In Russ.) URL: https://globalaffairs.ru/number/utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-1865 (accessed 27.04.2020).

Pantin V.I., Lapkin V.V. 2018. Transforming of Political Spaces: Toward Polycentric World Order. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 47-66. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04

Schwab K. 2016. The Fourth Industrial Revolution. (Russ. ed.: Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Moscow: EKSMO. 208 p.)

Tsygankov A.P. 2019. Half-life: from World Order to World Transition. – *Russia in Global Affairs*. Vol. 17. No. 2. P. 20-31. (In Russ.) URL: https://globalaffairs.ru/number/Epokha-poluraspada-ot-miroporyadka-k-miroperekhodu-20029 (accessed 27.04.2020).

Zinovieva E.S. 2018. Conceptualization of the International Cooperation in the Field of Science and Technology. – *MGIMO Review of International Relations*. No. 6. P. 242-254. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-242-254

Литература на русском языке

Афонцев С.А. 2019. Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России. – *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 3. С. 48-68. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-03

Барановский В. 2019. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? – *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 7-23. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Зиновьева Е.С. 2018. Мирополитическая концептуализация международного научно-технологического сотрудничества. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 6. С. 242-254. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-6-63-242-254

Казаринова Д. 2018. Кризис либерализма в оценках его адептов. – *Россия в глобальной политике*. Т. 16. № 6. С. 226-233. URL: https://globalaffairs.ru/book/Krizis-liberalizma-v-otcenkakh-ego-adeptov-19862 (accessed 27.04.2020).

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок*. М.: АСТ. 544 с.

Кортунов А. 2016. Неизбежность странного мира. – *Российский совет по международным делам*. 15.07. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/ (accessed 27.04.2020).

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: "Идеальный шторм". – *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 125-133. URL: https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518 (accessed 27.04.2020).

Лебедева М.М. 2019. Современные мегатренды мировой политики. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 9. С. 29-37. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. 2019. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 71-84. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06

Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. 2016. Архаизация государства: роль современных информационных технологий. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 22-36. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03

Най Дж. 2017. Уцелеет ли либеральный миропорядок? – *Россия в глобальной политике*. Т. 15. № 2. С. 72-82. URL: https://globalaffairs.ru/number/utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-1865 (accessed 27.04.2020).

Никитин А.И. 2018. Современный миропорядок: его кризис и перспективы. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 32-46. https://doi.org/10.17976/pps/2018.06.03

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2018. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 47-66. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04

Цыганков А.П. 2019. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу. – *Россия в глобальной политике*. Т. 17. № 2. С. 20-31. URL: https://globalaffairs.ru/number/Epokha-poluraspada-ot-miroporyadka-k-miroperekhodu-20029 (accessed 27.04.2020).

Шваб К. 2016. *Четвертая промышленная революция*. М.: ЭКСМО. 208 с.